

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

КРИТИКО-
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ
ДВУХНЕДЕЛЬНИК
ПРИ ЖУРНАЛЕ
«ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК»

9

5 мая

1 9 4 0

ГОСЛИТИЗДАТ

Путевые очерки Чехова

А. Роскин

Со времени выхода в свет первого собрания сочинений Чехова прошло уже сорок лет, а мы все не можем в полной мере освободиться от влияния Чехова-редактора этого собрания сочинений: относительная популярность тех или иных чеховских произведений до сих пор в известной степени еще определяется составом «ниевского» издания.

Между тем, Чехов-редактор был в иных случаях не только слишком строг, но и явно несправедлив. Ну, пусть десятки юмористических мелочишек Антоши Чехонте в самом деле не были достойны имени Антона Чехова. Это — от понятной нам строгости, которой мы вправе гордиться в Чехове. Но, когда в собрание сочинений не попадает такая повесть как «Огни», — бесспорно, одно из самых сильных произведений молодого Чехова — это уже не от строгости, а от несправедливости к самому себе, несправедливости, исток которой нам до сих пор не вполне понятен.

В результате многие, исключенные Чеховым из собрания сочинений, вещи остаются недооцененными, к ним относятся, как к «материалам» дополнительных томов, о них вспоминают не в связи с Чеховым, а в связи с исследованиями о Чехове.

Не только строгость, но и явную несправедливость проявил Чехов-редактор к своей публицистике: он хотел сохранить для читателей один только «Остров Сахалин», отбросив все остальное. А ведь среди этой отвергнутой публицистики были замечательные вещи, которые и теперь, через столетия, читаются с огромным интересом. Достаточно указать на некролог путешественника Пржевальского, судебные отчеты о деле скопин-

ского банка, рецензию «Гамлет на Пушкинской сцене», театральный фельетон, посвященный Сарре Бернар, фельетон «Фокусники» и ряд других произведений.

Свои путевые корреспонденции Чехов в собрание сочинений тоже не включил. Они превратились в полузабытые. Это очень досадно: путевые корреспонденции Чехова из Сибири без всякого преувеличения можно причислить к чудесным образцам чеховской поэзии. В этих корреспонденциях читатель находит то, чего ему часто не хватает в «Острове Сахалине»: непосредственно выраженное авторское чувство. В то время как в «Острове Сахалине» Чехов, по собственному признанию, стремился удалить все личное, добивался возможно большей объективности — так, как он эту объективность понимал, — в путевых корреспонденциях он, наоборот, давал полную волю своим субъективным впечатлениям, рисовал природу, людей и быт сибирских мест сквозь призму своих дорожных настроений.

«Писал я только для Вас, — сообщал Чехов А. С. Суворину, — и потому не боялся быть в своих заметках слишком субъективным и не боялся, что в них больше чеховских чувств и мыслей, чем Сибири».

Перед нами — впечатления мимолетные, но ведь это впечатления наблюдателя, умевшего и мимолетом схватывать самое характерное, схватывать с той верностью, какой не найти у иных авторов, чьи описания являются плодом весьма длительных наблюдений и досконального изучения. И действительно, немного найдется в русской литературе описаний сибирской природы и сибирских людей, которые могли бы по яркости и живости соперничать с пейзажами и портретами в замечательных корреспонденциях Чехова.

Вот, например, описание тайги:

«О ней много говорили и писали, а потому от нее ждалось не того, что

А. П. ЧЕХОВ. — По Сибири (путевые очерки и письма). Подготовил к печати А. Турунов. Иркутск. Иркутское областное изд-во. 1939. Стр. 127. Тираж 10 000. Ц. 3 руб. 80 коп.

она может дать. Вначале как будто немного разочаровываешься. По обе стороны дороги непрерывно тянутся обыкновенные леса из сосны, лиственницы, ели и березы. Нет ни деревьев в пять обхватов, ни верхушек, при взгляде на которые кружится голова; деревья несколько не крупнее тех, которые растут в московских Сокольниках. Говорили мне, что тайга беззвучна и растительность ее не имеет запаха. Я ожидал этого, но все время, пока я ехал по тайге, заливались птицы, жужжали насекомые; хвон, согретые солнцем, насыщали воздух густым запахом смолы, поляны и опушка у дороги были покрыты нежно-голубыми, розовыми и желтыми цветами, которые ласкали не одно только зрение. Очевидно, писавшие о тайге наблюдали ее не весной, а летом, когда и в России леса беззвучны и не издают запаха.

Сила и очарование тайги не в деревьях-гигантах и не в гробовой тишине, а в том, что разве один только перелетные птицы знают, где она кончается. В первые сутки не обращаешь на нее внимания, во вторые и третьи удивляешься, а в четвертые и пятые переживаешь такое настроение, как будто никогда не выберешься из этого земного чудовища. Взойдешь на высокий холм, покрытый лесом, глянешь вперед на восток, по направлению дороги, и видишь внизу лес, дальше холм, кудрявый от леса, за ним другой холм, такой же кудрявый, а за ним третий, и так без конца; через сутки опять взглянешь с холма вперед — и опять та же картина. Впереди, все-таки знаешь, будут Ангара и Иркутск, а что за лесами, которые тянутся по сторонам дороги на север и юг, и на сколько сотен верст они тянутся, неизвестно даже ямщикам и крестьянам, родившимся в тайге. Их фантазия смелее, чем наша, но и они не решаются изобразить размеры тайги и на наш вопрос отвечают: «конца нет!» Им только известно, что заною через тайгу приезжают с далекого севера на оленях какие-то люди, чтобы купить хлеба, но что это за люди и откуда они, не знают даже старики».

Много печальное и гнетущее видел Чехов во время путешествия. Безлюдье, бездорожье, бескультурье — вот основной фон путевых впечатлений Чехова. Но сквозь неприглядную действительность Чехов умел улавливать увлекательное будущее края. Некоторые строки чехов-

ских корреспонденций звучат почти пророчески. Из Красноярск Чехов писал:

«На Енисее... жизнь началась стоном, а кончится удалью, какая нам и во сне не снилась. Так, по крайней мере, думал я, стоя на берегу широкого Енисея и с жадностью глядя на его воду, которая с страшной быстротой и силой мчится в суровый Ледовитый океан. В берегах Енисею тесно. Невысокие валы обгоняют друг друга, теснятся и описывают спиральные круги, и кажется странным, что этот силач не смысл еще берегов и не пробуровил дна. На этом берегу Красноярск, самый лучший и красивый из всех сибирских городов, а на том — горы, напоминавшие мне о Кавказе, такие же дымчатые, мечтательные. Я стоял и думал: какая полная, умная и смелая жизнь осветит со временем эти берега! Я завидовал Сибирякову, который, как я читал, из Петербурга плывет на пароходе в Ледовитый океан, чтобы оттуда пробраться в устье Енисея; я жалел, что университет открыт в Томске, а не тут, в Красноярске. Много у меня было разных мыслей, и все они путались и теснились, как вода в Енисее, и мне было хорошо...»

Иркутское областное издательство отлично сделало, издав отдельной книжкой произведения Чехова, отражающие его путешествие через Сибирь. Читатель найдет здесь и газетные корреспонденции Чехова, и его письма с дороги близким и друзьям, и рассказ «В сыске», который по своему характеру непосредственно примыкает к путевым корреспонденциям. Собранные вместе, эти произведения дают достаточно полное представление о сибирских впечатлениях Чехова.

В комментариях содержатся некоторые сведения о пребывании Чехова в Сибири, почерпнутые из мало известных и мало доступных источников — газетной хроники сибирских газет. Однако в целом «аппарат» издания, к сожалению, страдает существенными недостатками. И в предисловии и в комментариях встречаются неточности и явные ошибки. Укажем на некоторые из них.

Описывая пребывание Чехова в Томске, автор предисловия А. Н. Турунов выражает недоумение по поводу того, что Чехов свел знакомство с сотрудниками реакционной газеты «Сибирский вестник», а не радикальной «Сибирской газеты». Недоумение это совершенно

излишне, если принять во внимание, что эпоха поездки на Сахалин была временем самой тесной дружбы Чехова с Сувориным. Правда, уже и в эту пору Чехов пытался отделить Суворина от суворинской шайки, отделить личность Суворина от суворинского дела, ибо это дело уже в 1890 году представлялось Чехову вовсе не таким бесспорным. Позволю себе утверждать, что самый факт поездки Чехова на Сахалин внутренне знаменовал собой начало расхождения Чехова с Сувориным. Недаром между Чеховым и Сувориным завязался такой горячий спор вокруг вопроса о нужности подобной поездки, не случайно и то, что нововременцы относились к путешествию Чехова с явной и гаденькой насмешкой. Среди них ходил следующий сочиненный Бурениным стишок:

Талантливый писатель Чехов,
На остров Сахалин уехав,
Бродя меж скал,
Там вдохновения искал.
Но не найдя там вдохновенья,
Свое ускорил возвращенье.
Простая басня сей мораль:
Для вдохновения не нужно ездить
вдаль.

Поездка Чехова представлялась нововременцам носящей чисто литературный характер: Чехов поехал за «материалом». Излишне говорить о том, что Чехов на Сахалине меньше всего походил на литератора, разгуливающего с записной книжкой в руках в поисках интересного материала.

Да, внутренне Чехов в 1890 году уже отделился от Суворина или, во всяком случае, стал гораздо более самостоятельным в своем взгляде на общественные явления. Но внешне этот процесс еще не успел как следует обнаружиться. И, право же, нет никаких причин удивляться чеховскому выбору знакомств среди томских журналистов. Пока что это было в порядке вещей.

Мотивируя включение в сборник чеховских писем, составитель ссылается на связь, существующую между письмами Чехова и его художественными произведениями: «Таково письмо к Лейкину от 6 апреля 1884 года с описанием вскрытия трупа утопленника. Элементы письма взяты потом им в рассказ «Мертвое тело».

Письмо Чехова к Лейкину от 6 апреля 1884 года нам неизвестно. Очевидно, т. Турунов имеет в виду письмо Чехова от 27 июня 1884 года, действительно, тесно связанное с рассказом «Мертвое

тело». И, кстати, речь идет здесь, собственно, не об утопленнике: «Смерть насильственная, произошедшая от задушения. Пьяного давили в грудь чем-то тяжелым, вероятно, хорошим мужицким коленом».

По этому же поводу составитель указывает на письма, послывавшиеся Чеховым родным из Таганрога и степных мест в 1887 году; эти письма, по мнению т. Турунова, были позже использованы Чеховым в работе над «Степью». Между тем, эти письма значительно полнее, чем в «Степи», отразились в таких произведениях как «Огни», «Святой ночью», «Перекажи поле», «Печенег» — о них же т. Турунов совсем не упоминает.

Характеризуя взаимоотношения Чехова и М. В. Киселевой, т. Турунов указывает, что Антон Павлович «очень ценил ее литературный талант». Едва ли это верно. Не следует некоторые оценки в письмах Чехова к Киселевой — оценки, продиктованные естественной деликатностью — принимать слишком всерьез. В противном случае пришлось бы приписать Чехову очень неважный литературный вкус.

Несколько наивно охарактеризованы составителем взаимоотношения Чехова и его старшего брата Александра: «Отношения братьев были неизменно дружественными, несмотря на то, что А. П. часто любил пошутить над братом в письмах». В том-то и дело, что шуточные письма Чехова к Александру как раз более всего выражали дружественное отношение. Однако у Чехова есть и другие письма к Александру, весьма суровые, в них Чехов выступает непримиримым противником житейских воззрений и вкусов своего старшего брата. Обходить эти письма при характеристике взаимоотношений братьев никак нельзя, они, а вовсе не шуточные письма и дают основание внести некоторые поправки в картину безмятежной братской дружбы.

Объясняя, кто такой упоминаемый в одном чеховском письме Житель, т. Турунов сообщает: «Житель» — литературный псевдоним Л. П. Петерсона, одного из реакционных журналистов, клеветавшего на революционеров на страницах «Русского вестника». Тут все безнадежно перепутано. Житель — это псевдоним журналиста А. А. Дьякова, Петерсон же совершенно другое лицо. Если т. Турунов имеет в виду общезвестного правого журналиста Пе-

терсона, то инициалы его, кстати, не Л. П., а В. К. Совершенно не было надобности суживать деятельность Петерсона, предоставляя ему для клеветы на революционеров только страницы «Русского вестника»; этой клеветой Петерсон занимался прежде всего в «Новом времени».

Имеется в комментариях и целый ряд других, более мелких погрешностей: кладбище на Луке названо «луганским»; дача Чехова в Ялте названа почему-то домом-усадьбой (?); год смерти д-ра Щербака обозначен 1884 годом, то есть за 6 лет до знакомства Чехова с Щербаком. Трижды в комментариях повто-

ряется указание на то, что редактором «Сибирского вестника» был некий В. П. Картамышев.

Разумеется, это — мелочи. Но ведь комментатор по самому характеру своей работы часто должен заниматься такими мелочами. Точность в этой работе — важнейшее достоинство. Какая же цена комментарию, если сообщаемые им факты неверны или неточны?

В заключение: почему книга называется «По Сибири»? Думается, следовало сохранить название, предложенное для своих путевых очерков самим Чеховым — «Из Сибири».